

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дуктова Л.Г. Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков //

Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.71045 EDN: ITAETU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71045

Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков

Дуктова Любовь Георгиевна

ORCID: 0009-0003-5401-7932

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Центр исследований белорусской культуры; языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси

220072, Беларусь, Минская область, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2

▫ docent2020@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.71045

EDN:

ITAETU

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2024

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению культурных кодов в белорусской прозе рубежа XX-XXI вв. Задачи исследования: обосновать использование термина культурного кода как литературоведческого понятия; на примере разных видов кодов показать особенности интерпретации литературного произведения. Предмет исследования – предметный, пространственный, персонажный, акциональный, анималистический флористический, цветовой коды в эпических произведениях В. Гниломедова, К. Цwirки, В. Казько, А. Наварича, А. Федоренко при раскрытии идейной направленности. Отмечается, что культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода. Методы (историко-литературный,

структурный, семантический) и методологическая основа исследования – работы М. Эпштейна, Ю. Кристевой, В. Халипова, И. Швед и др. Научная новизна работы заключается в том, что впервые проанализированы особенности использования культурных кодов в эпических произведениях современных писателей. В работе показано как с помощью отдельных кодов, являющихся своего рода маркерами национальной художественной картины мира, закрепленных в произведениях больших и средних эпических форм белорусской литературы рубежа XX–XXI вв., транслируются ценности и идеи. Сделаны выводы о том, что среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «василек», «белорусский партизан», «волколак», «толокак» и др. Практическая область применения результатов работы видится в возможности использования данного материала для глубокого осмысления и изучения таких учебных дисциплин, как «История литературы стран СНГ», «История белорусской литературы», вузовских историко-литературных курсов, при самостоятельной научно-исследовательской работе студентов, при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова:

национальный культурный код, роман, повесть, пространственный код, предметный код, анималистический код, растительный код, белорусская литература, проза, код

Введение

Культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода. Выявление культурных кодов при интерпретации литературных произведений – один из способов как к раскрытию их идейной направленности в целом, так и при донесении определенных культурных смыслов, проявляющихся в художественном полотне произведения на имплицитном уровне с помощью характерных образов, мотивов.

В современной гуманитаристике понятие культурного кода используется при анализе мультимодального текста, и в этом случае речь идет не только о вербальном уровне коммуникации. С точки зрения теории коммуникации художественная литература выступает одним из каналов передачи информации с помощью культурных кодов наряду с кинематографом, изобразительным искусством, СМИ и др. Исследование культурных кодов в объекте художественного творчества предполагает наличие междисциплинарного подхода к данной проблеме. При интерпретации произведений литературы с помощью культурных кодов исследователи часто апеллируют к понятиям «интертекстуальности» Ю. Кристевой, «гипертекста» Т. Нильсона, концепциям «художественного мира» Д. Лихачева, «диалога» М. Бахтина, структурной поэтики Ю. Лотмана и др., тем самым подчеркивая необходимость поиска взаимодействия между языковым уровнем и национально-культурной маркированностью в художественном произведении. Исследованием семиотической модели литературного процесса занимался литературовед В. Халипов, который также подчеркнул важность при прочтении текста обращения к кодам, которыми пользовался автор. Однако при этом исследователь, выделяя детерминированные (для детерминированных систем характерна последовательность и предсказуемость) и вероятностные коды, подчеркивает спорную

сознательную заретушированность обращения к культурным кодам в литературном произведении: «Не только языки в строго лингвистическом смысле, но и “языки” национальных культурных традиций, идейно-эстетических систем литературных направлений и т.п. – всех культурных кодов, используемых авторами при создании художественных произведений, – будут являться системами именно вероятностного характера» [\[1, с. 9\]](#).

Представляет интерес рассмотрение отдельных культурных кодов, являющихся своего рода маркерами национальной художественной картины мира, в произведениях больших и средних эпических форм белорусской литературы рубежа XX-XXI вв., такова цель данного исследования.

Предметный культурный код как транслятор ценностей семьи, рода, родной земли в гептологии В. Гниломедова (код кужаля)

Романный цикл В. Гниломедова, в котором показана история семьи западнобелорусской деревни в первой половине XX века, составляет семь произведений: «Улис из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине». Предметный код кужаля выступает ключом к пониманию идейной направленности гептологии писателя. Кужаль, в одном из значений, – полотно из льняных ниток, из которого изготавливалась традиционная одежда белорусов, а также изделия для дома (постельное белье, покрывало), в другом – неочесанный лен, растительная культура, подчеркивающая национальный колорит Беларуси, изображение цветков льна присутствует на государственном гербе. В рассматриваемых произведениях данная лексема присутствует в онимном поле: целесообразно отметить символичность фамилии героя романов в гептологии Леона Кужаля (более подробно данный аспект рассматривает исследователь Ж. Шаладонова). Фамилию деда берет себе и неродной внук Владимир в романе «Правда живет посередине».

Белорусская история насыщенного событиями XX века показана через историю человеческих судеб, в романах рассказывается об укладе жизни и особенностях мировоззрения белорусов, русских, евреев, цыган, американцев. Образ кужаля символичен – как из льняных нитей, метафоры человеческих судеб, ткется эпическое полотно истории. Отметим при этом, что культурный код по определению ряда исследователей рассматривается как набор символов, знаков, характерных для определенной культуры, направленный на ее идентификацию и использование носителями данной культуры (Д. Гудков, М. Эпштейн и др.). Особый акцент в романах В. Гниломедова сделан на ценности сохранения и созидания для семьи. Представители старшего поколения Леон и Фекла Кужали показаны как своего рода опекуны и хранители своих потомков, под их вниманием словно под невидимым покрывалом-кужалем находят спасение в самых сложных жизненных ситуациях как члены семьи, так и близкие люди: они спасают сына Василия, помогают партизанам во время войны, улаживают судьбу сестрам, их дом становится гостеприимным пристанищем для «вечного бродяги» Куземки, как и других людей и др. Их повседневная опека для внука Владимир – животворный источник, дающий возможность почувствовать силовое поле целого рода. В романах не единожды указывается на метафору невидимого покрывала, оберегающего взрослеющего Владимира с детства от любых напастей, подчеркивается связь с хранителями семьи – представителями старшего поколения Леоном и Феклой Кужалями.

Целесообразно подчеркнуть, что второе значения слова «кужаль» связано со льном, данный флористический образ широко представлен в произведениях белорусского фольклора, литературы, народного искусства. В эпическом полотне гептологии

присутствуют сцены, где показана работа со льном: «Осенью белили полотна. Прося складывала на коленях гармошкой льняной свиток и, сложив его, несла к речке, мочила, а затем была качалкой, растилала на траве, мяла ногами. Варила раствор из древесной золы и отбеливала в нем полотно, после этого снова выстилала его на росу, сушила. Умела прясть лен и шерсть для одежды, паклю – на мешки» [\[2, с. 427\]](#) («Васильки на рубеже»). Лен символизирует нерушимую связь человека с родной землей. В романе «Улис из Пруски» Леон Кужаль в дореволюционное время едет на заработки в Америку, а возвратившись в родную деревню, одержимо и с упоением окунается в работу на родной земле. В романах «Россия», «Возвращение» описывается ситуация, когда с приближением русско-немецкого фронта в 1915 году жители западнобелорусской деревни Пруски находят убежище в России, где Леон нашел себе жену, а в 1922 году прускавцы возвращаются в родное село. И хоть на родине в этот период в так называемых околицах Беловежской пуши бурлили высокие волны политических страстей, в тяге к родной земле, дому, труду на земле предков показана живучесть белорусов несмотря на многочисленные баталии, как показывает история, из века в век разворачивающиеся на белорусской земле.

Пространственный, персонажный и акциональный культурные коды в показе уклада жизни в современной белорусской прозе (например, коды «партизанский лес», «белорусский партизан», «толока»)

К числу национальных кодов белорусов целесообразно отнести коды, связанные с показом определенной модели поведения, в котором проявляется коллективное «мы». В романе «Война» В. Гниламедов акцентирует внимание на соборности, том духовном стержне, который объединяет людей в трудное время. Описывая события Великой Отечественной войны, писатель довольно подробно показывает жизнь партизан в лесу: «Общая беда и общая цель быстро объединяют людей. Это можно было видеть уже из того, как они работали. Одни капали под землянку яму, другие пилили сосны, чтобы выложить стены и сделать потолок, третьи из распиливали. Деревья секли поодаль, счищали сучья, делили на бревна и стягивали сюда, к строительству. Из свежих смолистых кругляков капала пахучая прозрачная смола» [\[3, с. 132\]](#).

В произведениях белорусских писателей И. Шамякина, И. Чигринова, И. Науменко, В. Быкова, В. Гниломедова показана Беларусь партизанская. Широко известным стало выражение «партизанский лес», с которым связаны ментальные установки белорусов, толерантных и дружелюбных в мирных условиях жизни, однако способных в критической ситуации угрозы суверенитета, насилия для близких и окружающих людей мобилизоваться и дать отпор. На данный факт обращает внимание литературовед И. Шаладонов, который рассматривая экзистенциальный образ белорусского партизана в повестях, отметил, что если в статусе мирного жителя позиция белоруса базируется на лояльности и подчиненности определенному суверену (королю, государству), то в случае оккупации «именно партизан сознательно берет на себя часть прав бывшего суверена, этим самым наделяя себя эксклюзивным правом нести ответственность за судьбу своей земли, за защиту своих прав, а также родственников и одноплеменников» [\[4, с. 66\]](#). Исследователь уточняет, будучи до конца не обозначенным в статусе «права войны» белорус в чем-то становится невольным детонатором жесткого противостояния относительно подавления народа со стороны оккупационных сил: «Процесс ведения войны, его формы и способы противостояния между враждующими сторонами получают почти беспредельный и тотальный характер, порождая большую лютость и жертвенность среди мирных жителей» [\[4, с. 66\]](#). С учетом данной коннотации отметим, что партизанский лес выступает оплотом неприступности, непобедимости.

Особенностью лесистой местности Беларуси является присутствие болот, непроходимых зарослей. В литературе не только на военную тему описаны истории, когда лес защищает человека, который прячется в нем от угрозы, исходящей от других людей. В романе «Волчий остров» К. Цwirки место в лесу посреди непроходимых болот, нетронутое ногой человека («вольчья выпса»), тайная дорога к которому была известна семье Короленей, стало спасительным пристанищем для главного героя произведения Игната, ставшего отшельником в непростое довоенное время. К. Цwirка подробно описывает жизнь «полесского робинзона», который сумел не только выжить в лесу, но и построить дом и даже наладить хозяйство, мечтая забрать в лес свою семью и жить спокойной жизнью. Конфликт произведения строится на противостоянии человека и нового порядка (проводимой политики коллективизации), породившего обстоятельства, в которых он оказался в статусе изгоя.

На протяжении истории партизанский лес не раз являлся местом, защищавшим от угроз, местом, где проявляются константы национального характера: жертвовать собой, но сохранить достоинство; не полагаться ни на кого и усердно работать, чтобы добиться процветания; несмотря на препятствия верить в лучшее будущее. Вместе с тем с кодом партизанского леса связана тема свободы: ты ушел на определенном расстоянии от дома в лес и можешь жить как заблагорассудится.

Таким образом, код партизанского леса, презентованный в художественной литературе, связан не только с военным периодом, но и в целом с восприятием белорусами леса как надежного убежища в ситуации сумятицы, местом ощущения воли (свобода есть всегда), пристанищем людей, для которых извечные ценности остаются незыблемыми в пику нагрянувшим событиям, нарушающим привычный уклад жизни.

Для белорусской ментальности характерным является подчинение лишь на разумных основаниях, при этом союзы выступают одной из сверхценностей. И речь идет не только об объединяющих возможностях семейственности, исторические корни которой мы наблюдаем в эволюции белорусской деревни, изначально существовавшей как конгломерат, в котором соседствуют представители разных родов (род крестьян, род кузнецов, род знахарей и др.), из поколения в поколение передающих знания духовного и материального значения, а следовательно – не только об ощущении масштабности и покровительства рода и поддержки семьи. Одним из важных союзов выступает толока как форма взаимопомощи (на небольшой промежуток времени люди объединяются, чтобы решить определенную задачу). И проявляется это не только во время сельскохозяйственных работ, как показано в прозе В. Гниломедова, И. Наumenко, В. Казько, А. Жука и др. В повести И. Шамякина «Полесская мадонна» объединение людей разных социальных статусов помогает героине Надежде Русак найти сына, в романе «По вере вашей» В. Гавриловича творческая интеллигенция приходит на помощь главному герою писателю Евгению Кавенька, чтобы обелить память о военном прошлом его семьи.

Анималистический и персонажный культурные коды при раскрытии смыслов в диаде «свой – чужой» в романах и повестях белорусской литературы рубежа XX–XXI вв. (например, коды волка, волколака)

В мифопоэтической картине мира белорусов коды волка и волколака связаны с полярными чертами человеческой натуры – жесткостью и ощущением себя изгоем. С образом волколака связан образ легендарного князя Всеслава-Чародея, героя «Слова о полку Игореве», согласно легенде, способного обращаться в волка. По словам М. Эпштейна, С. Аверинцева, обращение к мифологическому мировоззрению в литературе

связано с тяготением писателей к использованию «первоначальных, архетипических констант человека и природного бытия» [5, с. 224]. В целом, образы волка, волколака присутствуют в мифологиях разных народов. Согласно белорусской народной традиции, волколки по своему происхождению могут быть двух типов: это временно обернувшийся в волка колдун, наделенный чертами звериной дикости, а также несчастные люди, превращенные в диких зверей в результате магических действий ведьмака. Отсюда двоякое отношение к волколакам, нашедшее отражение как в устном народном творчестве, так и в литературе. Мифологизированный образ волколака, подчеркивающий национальный колорит, представлен в белорусской литературе XIX-XX вв. в творчестве П. Багрима, Я. Борщевского, А. Гаруна, Я. Купалы, В. Короткевича, А. Кожедуба, в современной исторической прозе (роман «След волколака» Л. Дайнеки, «Золото забытых могил» Л. Рублевской, «Литовский волк» А. Наварича, «Князь-волколак» М. Кутузова).

В одном из вариантов белорусских легенд об оборотнях отмечается, что волколак – это человек, которого колдун превратил в волка. Особенно это характерно для свадебного сюжета, когда по злопамятству чародея в диких зверей оборачивались молодые или гости, и превратится обратно они могли при условии, если услышат ту же мелодию, при которой происходил обряд оборотничества. Этот сюжет показан в повести «Волколак» Я. Борщевского, в рассказе «Волколаки» А. Кожедуба. В таком аспекте волколак показан жертвой обстоятельств. В приключенческой прозе коды волка, волколака связаны с человеком-изгоем (творчество И. Шамякина, К. Цвирки, А. Наварича и др.).

В литературных произведениях коды волка, волколака помогают подчеркнуть культурные смыслы в рамках бинарной оппозиции «свой – чужой». Герой повести «Травля большого зверя» А. Наварича Левка Грицев в послевоенное время прячется в лесу от односельчан, которые знали его как предателя во время войны. По деревне ползут слухи о том, что рядом с поселением завелся оборотень. Код волколака используется для показа внутреннего конфликта, когда в персонаже показаны человеческие и звериные (зверские) черты и поступки. Идейные искания в осмыслении событий периода коллективизации в современной прозе происходит с оценкой поступков, мотивов представителей разных сторон, при этом писатели также обращаются к кодам волка, волколака, чтобы подчеркнуть изменения и константы диады «свой – чужой» при переосмыслении событий прошлого. В романе «Волчий остров» К. Цвирки показано, что Игнат Короленя скрывается от людей, но не прячется от волков: «С волками он встречался здесь часто. Увидев их, Игнат не убегал от них и не отпугивал от себя. Делал вид, что его не окружают. Волки им тоже не интересовались. При встрече шли своей дорогой, не обращая на него внимания. Между ними и Игнатом установилось полное мирное сосуществование» [6, с. 113]. Еще одну параллель между жизнью человека и волка в данном романе, имеющими черты фэнтези, можно проследить через судьбу одного из сыновей Игнатия Короленя: сын Янка в силу определенных обстоятельств был воспитан волчьей стаей и даже стал ее вожаком.

Таким образом, в современной белорусской прозе коды волка, волколака являются ключом к пониманию двойственности человеческой натуры: жесткой, волевой и страдающей одновременно.

Флористичный культурный код в показе духовных аспектов жизни общества в белорусской литературе (например, код василька)

Образ василька (волошки) является одним из известных символом Беларуси, белорусов. Орнамент с изображением василька довольно распространен на имиджевых интернет-ресурсах, сувенирной продукции страны. Образ василька, с помощью которого

подчеркивается национальный колорит, выступающий символом родины присутствует в произведениях белорусских писателей и поэтов разных периодов. Его воспевал М. Богданович в стихотворении «Слуцкие ткачихи», известны произведения разных жанров, в названии которых присутствует наименование этого растения: рассказ «Васильки» М. Лынькова, стихи «Рожь в васильках и ромашках...», «Василек» Е. Хвалей, рассказ «Васильки во ржи» И. Науменко, роман «Васильки» А. Кулаковского и др.

В романе «Валиськи на рубеже» В. Гниломедова, изданном в 2014 году, показана жизнь Западной Беларуси в межвоенное двадцатилетие. На рубеже важных социально-политических изменений, в своего рода эпицентре военной конфронтации, экономической трансформации показана история белорусской семьи, деревни Пруски, являющейся для писателя своего рода фолкнеровской «йокнапатофой» мира белорусов. Исконная живучесть, красота родной земли вместе с ожиданием нового этапа жизни – атмосфера, в которой показаны герои романа: «На дворе стояло лето 1930 года. Прусковцы жили в предчувствии каких-то событий, кого-то ждали...» [2, с. 6]; «Августовское утро по-своему неповторимое и привлекательное. Даже когда ты в дороге, обремененный повседневными хлопотами» [2, с. 17]; «Прусковцы расходились, обеспокоенные, почесывая затылки, вздыхали, думали, как оно все обернется» [вал, с. 542]; «Сенокос в Пруске обычно приходился на июнь. И хоть говорят, что покос сена пробуждает в крестьянине чувство праздника, но эта работа никогда не казалась для него легкой. Наоборот, требовала немалых сил, широкого размаха души и мускулов, постоянной опоры и поддержки, выносливых помощников» [2, с. 562]. Код василька – красота и живучесть, дающие надежду на лучшее будущее.

Цветовой культурный код, презентуемый в белорусском фольклоре и этнографии, а также в произведениях современных белорусских прозаиков (например, коды белый, черный, красный)

Белый, черный, красный цвета составляют основной спектр цветовой символики в мифопоэтической картине мира белорусов.

Белый цвет – код чистоты, святости, что подчеркивается и при трактовке названия страны Беларусь (как производное от номинации «Белая Русь»), отражено в названии произведения на историческую тематику «Рыцари Белой Руси» И. Саверченко. Метафора «земля под белыми крыльями» прочно закрепилась за Беларусью с выходом в печать одноименного очерка В. Короткевича, где кроме цвета акцент сделан и на аиста. Красный цвет как код жизни присутствует одним из мотивов в романе «Волчий остров» К. Цвирки, в рассказе «Рябина» А. Федоренко («Она лежала – красная на молодом атаве – и сияла тем скрытым светом, что выжила, что смогла наконец дать богатый плод – все, что она могла дать...» [7, с. 251]) и др.

По принципу бинарной оппозиции этим двум цветам противопоставляется черный колор – код темного начала (смерть, болезнь, зло и др.). Различные аспекты семантики и функциональности цветовой символики в фольклоре белорусов рассмотрены в работах Т. Володиной, И. Крук, Т. Шамякиной, И. Швед, Ю. Яроцкой и др. Как отмечают исследователи, триада «белый–черный–красный» связана с жизненным циклом человека, его рождением, смертью, жизнью, что находит отражение в этнографических объектах (красный угол в доме, белая праздничная одежда, черный саван и др.), в произведениях устного поэтического творчества. О месте цветового кода в обрядах жизненного цикла белорусов и других славян И. Швед отмечает: «На цветовом знаке основывается идентификация и связанные с ней семантизация и функциональность

предмета в определенном ритуале в соответствии с телеологией последнего, цвет выступает знаковой деталью участников определенного обряда и даров, которыми они обмениваются. Это находит определенное преломление в устной поэзии, цветовой код которой выступает одним из наиболее продуктивных художественных ресурсов. Через него передается целый комплекс этнофизиологических, этномедицинских, этноэстетических и других представлений» [\[8, с. 357\]](#).

Черный цвет как код смерти широко используется в произведениях на черную тему, особенно в лирике, лиро-эпосе – книги «Черная быль» С. Законникова, «Черная боль» В. Вабищевич и др. Антитеза «белое – черное» присутствует в названии повести «Спаси и помилуй нас, черный аист» В. Казько. Черный аист в отличие от белого селится в отдалении от человека. Эта редкая птица занесена в Красную книгу, живет в глухих лесных местах, ее исчезновение ставится под угрозу вследствие большой экологической катастрофы, вызванной аварией на Чернобыльской АЭС, загрязнением белорусских земель. С сакрализацией черного аиста связана надежда о продолжении жизни и спасении от беды.

Выводы

Рубеж XX-XXI веков представляет собой своеобразный этап в развитии белорусского эпоса. В период становления и развития независимого белорусского государства писатели использовали национальные культурные коды, помогающие наиболее точно донести необходимые идеи до читательской аудитории.

Среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «василек», «белорусский партизан» и др. С помощью кода кужаля показана ценность семьи, рода, родной земли в романном цикле В. Гниломедова. Код партизанского леса в белорусской литературе связан не только с событиями периода Великой Отечественной войны, но и с восприятием леса как места ощущения свободы, убежищем для людей, которые в ситуации сумятицы и потери принятого суверена, могут проявить воинственность, порой в сочетании с самопожертвованием. Анималистические и флористические коды присутствуют в произведениях современных белорусских прозаиков при показе духовных аспектов жизни общества, для раскрытия смыслов в диаде «свой – чужой». Цветовые коды, имеющие отношение к триаде «белый–черный–красный», связаны с семиотизацией жизненного пути человека от рождения до смерти.

Исследование национальных культурных кодов в белорусской литературе направлено на определение специфики национальной картины мира, отраженной в творчестве белорусских писателей.

Библиография

1. Халипов В.В. Семиотическая модель мирового литературного процесса. В 2 ч. Ч. 1: Структуралистская версия. Минск: РИВШ, 2014. 142 с.
2. Гніламедаў У.В. Валешкі на мяжы. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. 574 с.
3. Гніламедаў У.В. Вайна. Мінск: Беларуская навука, 2014. 628 с.
4. Шаладонаў І.М. Ээкзістанцыйны вобраз партызана ў апавесцях беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя // Нацыянальная філасофія ў глабальным свеце. Мінск: Право і эканоміка, 2017. С. 66.
5. Аверинцев С.С., Эпштейн М.Н. Мифы // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 224.
6. Цвірка К. Воўчая выспа. Мінск: Харвест; 2019. 640 с.

7. Федарэнка А. Афганская шкатулка: аповесць, апавяданні. Мінск: Мастацкая літаратура, 2020. 256 с.

8. Швед І.А. Колеравы код абрадаў жыццёвага цыкла беларусаў і іншых славян // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў. даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2013. С. 345-358.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современная научная мысль все более тяготеет к синкретической версии дешифровки той или иной проблемы. Парадигма культурных изменений касается не только буквального знака, но кода, который может быть многоаспектно интерпретирован. Собственно именно этой проблеме и посвящена рецензируемая статья. Тема исследования конструктивна: культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков. Считаю, что подобный расклад проблемы вполне интересен и востребован. Стоит согласиться с автором, что «культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода», «в современной гуманитаристике понятие культурного кода используется при анализе мультимодального текста, и в этом случае речь идет не только о вербальном уровне коммуникации. С точки зрения теории коммуникации художественная литература выступает одним из каналов передачи информации с помощью культурных кодов наряду с кинематографом, изобразительным искусством, СМИ и др. Исследование культурных кодов в объекте художественного творчества предполагает наличие междисциплинарного подхода к данной проблеме». Намеченное понимание сути проблемы правомерно, здесь нет серьезных разночтений, следовательно, не нужна и профильная правка. Вполне удачно в работе сводятся в единое полотно теория и практика. Ссылка на авторитеты весьма кстати: «при интерпретации произведений литературы с помощью культурных кодов исследователи часто апеллируют к понятиям «интертекстуальности» Ю. Кристевой, «гипертекста» Т. Нильсона, концепциям «художественного мира» Д. Лихачева, «диалога» М. Бахтина, структурной поэтики Ю. Лотмана и др., тем самым подчеркивая необходимость поиска взаимодействия между языковым уровнем и национально-культурной маркированностью в художественном произведении». Вариатив реализации культурного кода в белорусской литературе развернут, контекст достаточен: например, «Романный цикл В. Гниломедова, в котором показана история семьи западнобелорусской деревни в первой половине XX века, составляет семь произведений: «Улис из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине». Предметный код кужаля выступает ключом к пониманию идейной направленности гептологии писателя», или «В произведениях белорусских писателей И. Шамякина, И. Чигринова, И. Наumenко, В. Быкова, В. Гниломедова показана Беларусь партизанская. Широко известным стало выражение «партизанский лес», с которым связаны ментальные установки белорусов, толерантных и дружелюбных в мирных условиях жизни, однако способных в критической ситуации угрозы суверенитета, насилия для близких и окружающих людей мобилизоваться и дать отпор» и т.д. Ссылочный блок выверен, цитации даны с учетом

требований: «в мифопоэтической картине мира белорусов коды волка и волколака связаны с полярными чертами человеческой натуры – жесткостью и ощущением себя изгоем. С образом волколака связан образ легендарного князя Всеслава-Чародея, героя «Слова о полку Игореве», согласно легенде, способного оборачиваться в волка. По словам М. Эпштейна, С. Аверинцева, обращение к мифологическому мировоззрению в литературе связано с тяготением писателей к использованию «первоначальных, архетипических констант человека и природного бытия» [5, с. 224]». Стиль работы соотносится с собственно научным типом: «По принципу бинарной оппозиции этим двум цветам противопоставляется черный колор – код темного начала (смерть, болезнь, зло и др.). Различные аспекты семантики и функциональности цветовой символики в фольклоре белорусов рассмотрены в работах Т. Володиной, И. Крук, Т. Шамякиной, И. Швед, Ю. Яроцкой и др. Как отмечают исследователи, триада «белый–черный–красный» связана с жизненным циклом человека, его рождением, смертью, жизнью, что находит отражение в этнографических объектах (красный угол в доме, белая праздничная одежда, черный саван и др.), в произведениях устного поэтического творчества». Термины, понятия вводятся в исследовательскую канву с учетом универсальности, серьезные фактические недочеты не выявлены. Выводы по тексту соотносятся с основной частью, правка / корректива излишня. Финально автор отмечает, что «среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «василек», «белорусский партизан» и др. С помощью кода кужаля показана ценность семьи, рода, родной земли в романном цикле В. Гниломедова. Код партизанского леса в белорусской литературе связан не только с событиями периода Великой Отечественной войны, но и с восприятием леса как места ощущения свободы, убежищем для людей, которые в ситуации сумятицы и потери принятого суверена, могут проявить воинственность, порой в сочетании с самопожертвованием и т.д.». Предполагаемый результат исследования достигнут, выводы сделаны; материал может быть полезен при изучении белорусской литературы, ряда дисциплин гуманитарного толка. Рекомендую статью «Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».